

Не могу подвести деда

Злоказова (дев. Маматулина) Альфия Уилпатовна

Я - внучка первых спецпереселенцев Шайхутдиновых. Выслали их из Усть-Ишимского района Омской области, как кулаков. У них был большой дом и подворье, держали по 12-15 коров и использовали наемный труд. Да, они давали работу другим, но и сами без дела никогда не сидели, и бабушка не отличалась от наёмных работников, ей приходилось работать наравне со всеми. У дедушки Салахтина было две сестры и брат, который пропал после ссылки: одну сестру выдали фиктивно замуж за старого муллу, а другую за нищего, так их спасли от ссылки. Одна из сестёр прожила с мужем всю жизнь, а другая позже вышла замуж законно. Самого дедушки не было дома, когда семью выслали - у многих тогда отправили детей и жён. К зиме мужья нашли свои семьи. Хорошо, что на барже было несколько других семей с мужьями, они хоть успели взять собой некоторые инструменты. По берегу ходили лоси и медведи. Мужики выкапывали землянки, шалаши, обдирали березы и делали крыши из бересты подручными средствами. Бабушка рассказывала, что когда они ехали, на барже находились все вместе – мужчины и женщины. Несколько женщин по дороге умерло от разрыва мочевого пузыря. Они были мусульмане и очень стеснялись при людях ходить в туалет.

Многие спецпереселенцы бежали. Кто-то погиб, кто-то пропал, но были и такие, кто добрался до Турции, и сейчас в Турции существует поселение татар из Омской области, которых ссылали в 30-е годы.

У бабушки было пятеро детей, но до места назначения доехали только трое сыновей - Сирачитдин, Миначитдин и Зинатулла, две девочки умерли по дороге. Бабушка всю жизнь их вспоминала. Похоронили их по дороге, останавливались, закапывали и дальше ехали. Моя мама Галия (по-русски её называли Галина) – первый ребёнок, который родился у них в ссылке. Потом родились Зина (Зайтуна) и Рая (Разия).

Мама закончила 3 класса. В 15 лет она уже работала в Александрово, на швейной фабрике, там шили одежду для фронта, и потом обшивала весь клан Шайхутдиновых. Мама была первой дочерью, и когда пришла пора, её для замужества увезли к сестре отца, в Омскую область, на родину, чтобы сохранить чистоту татарской крови. Там жили только татары, русских там не было. Она вышла замуж, через 3 года забеременела и родилась я. Дедушка с бабушкой забрали меня к себе и воспитывали с двух месяцев. Потом моя мама вышла ещё раз замуж, отчим меня удочерил. Но по сути, бабушка и дедушка и были моими родителями. Из всех многочисленных внуков только я всегда жила с ними и знала татарский язык. Я была переводчиком, когда приезжали другие внуки.

Всех детей и внуков воспитывала бабушка. Ей приходилось заниматься и другими деревенскими детьми: родители уходили на работу, а детей оставляли ей. Бабушка в быту была очень спокойная, терпеливая, истинная мусульманская жена, но могла и проявить характер. В молодости она считалась бедной снохой, её не воспринимали как равную, поэтому в спецпереселении она была в какой-то мере даже счастлива - ведь здесь она была хозяйкой, её никто не попрекал, не смотрел свысока. Ей и работать здесь приходилось меньше, чем у свёкра. Радовалась даже чернике, что росла во дворе. А дедушка переселением всегда был недоволен. Но он никогда не скучал, не помню, чтобы он был злым или грустным... Он подружился с хантами, которые жили в лесах. Остяцкие тропы здесь были. Ханты всегда приезжали к дедушке, особенно в сезон охоты и рыбалки, бабушка угощала и кормила их, они

даже ночевали. Приходили тихо и уходили тихо. Охотничья натура. Помню имена - Сондар, Петрушка был... Ханты приветливые люди были, делились опытом, дедушка у них многому научился, а они у него. Клей изготавливали из пузыря осетра, его собирали, растапливал, Он заклеивал всё - и кожу, и резину, этому дедушку, наверно, ханты научили. В бутылках хранили рыбий жир. В доме всё готовилось на рыбьем жиру, так рассказывала бабушка. На лыжах дед далеко ходил, привозил горностаев и сдавал их на кожевенный завод. Мне кажется, что он на лыжах даже ходил на родину.

Дед был на все руки мастер. С большой буквы Хозяин. Рыбак, плотник, охотник, столяр, печник - легче перечислить, чего не умел. Всю жизнь столярничал, строил, в конце жизни сторожил на пилораме, лес сплавляли раньше по воде, он там сторожил. Дедушка был большим мастером, своими руками делал резные ставни, карнизы, рамы, окна - всё сам делал. Его художественный талант многим передался. Мой родной отец тоже хорошо рисовал, как только свободная минута появлялась, сразу начинал рисовать. У меня все дети и внуки рисуют. Деревянный дом деда в Омской области тоже был с резными ставнями, весь резной двухэтажный. Дед очень хорошо шкуры выделывал, ни одной дырочки, они были мягкие, как тряпочки, тонкие. Дед точил ножи и проверял на своей голове (лысине), если топор или нож волос режет, значит, острый. Дедушка ездил зимой за дровами в лес. В лесах у всех было своё место, там дрова уже были напилены и сложены в поленицы. У каждой семьи была своя поленица в лесу. И под покос у каждой семьи земельные угодья были.

Дедушка всегда поощрял работу, детям ведёрки приобретал всем по размеру, если картошку копать - палки-копалки всем делал, только имя не писал. Помню, что он возле печки сидит и всем видом показывает, что он эту палку-копалку делает именно для тебя. Он умел всех настраивать на работу. А когда весь огород выкопан, он говорил: «Так, дети, а давайте посмотрим, как работали ваши родители, а не пройтись ли вам по огороду и не проверить, сколько там они пооставляли картошки». И кто больше соберёт, тому подарок, хотя даже одной его похвалы - и то было достаточно. И мы бегали, собирали всю мелочь, даже картошку с ноготок. Всё было нужно, ведь скотину тоже надо было кормить. Он умел вдохновлять, его поведения, взгляда было достаточно, чтобы понять, что он доволен.

Дедушка всегда держал меня за руку. Что бы он ни делал, он всегда брал меня с собой. Я участвовала во всех его делах. Овечку резать, корову - держи хвост, держи ногу. Однажды дед быка завалил, одни, никого не было, только я. Он что-то сделал, нажал куда-то - и бык лёг. Одно движение - и голова на шкурке. Как самурай, чётким движением резал.

Дома всегда говорили по-татарски. Бабушка русский понимала, и со всеми, кто приходил в дом - немцы, русские, она общалась, а когда я начинала говорить по-русски, всегда делала вид, что не понимает. Бабушка читала молитвы. Дома были книги на арабском языке, три сына также умели читать и писать на арабском. Они писали родственникам на родину на арабском, а когда бабушка умерла, все книги похоронили вместе с ней. Традиции, быт, пост - они всю жизнь их соблюдали, до самого конца. Хотя им, конечно, было трудно всё это скрывать.

Дед умел людей лечить, это мне рассказал мой брат. Однажды, когда к нему хант пришёл за помощью, брат залез под кровать, и дед не знал, что в доме кто-то есть. Брат не понял, что конкретно дед делал, но его поразило услышанное ("Будет больно") и результат - мужик занёс взрослого сына на руках, а ушел парень на своих ногах. Мужик этот деда на коленях благодарил.

Мы держали всё: свиней, коров, лошадей, ягнят. Свиней мы не ели, их сдавали за деньги, чтоб обеспечивать семьи. С Александровского приезжали и считали весь скот, даже

сколько щенков родилось. Шкуры любых животных сдавались, не выкидывались. Первые три рубля я заработала тем, что мешки трясла, сушила. Старшие рассказывали, как было еще до моего рождения. Весь урожай колхоза сдавался государству, от собственных детей прятали масло, чтоб выполнить план. Я в 10 лет научилась доить коров, они были моей первой публикой. Я с ними общалась каждый день. Говорю: “Сегодня я вам буду петь военные песни!”. Положу им в рот по кусочку хлеба, они жуют, а я пою, пока дою. Иногда приходила к ним, чтобы поплакать. Они молчат, а я наревусь, и мне легче.

Я любила смотреть в ночное небо, на звёзды, на падающий снег. Я могла уснуть в собачьей будке, на крыше, никто меня не искал, бегала одна по льдине на другую сторону, а когда дети собирались под горой, старшие жгли костры. Мы собирали весь мусор, жгли костры, а старшие жгли костры прямо на льдинах, к весне весь Пасол был чистым. Это была игра, забава.

Когда моя мама была маленькой, Центральной улицы не было, огород был на берегу, прямо перед домом. Пасол был очень узким, но очень глубоким, берег был далеко от дома, крутой, резкий. Пароходы заходили круглое лето, до самой осени. Весной Обь с рекой Пасол соединились. И из-за того, что берег стал обваливаться, огороды перенесли за дома. Со стороны улицы Викулова был просто лес. Первая школа была как балок, по типу дачного домика, мой дедушка еще её строил. Потом была построена деревянная школа, я её и заканчивала. А когда берег Пасола начал обваливаться, стали строить 6 школу, в которой доучивался мой брат.

У нас в школе не было разделения по-возрасту, все вместе учились, если мозги работали, ты уже равнялся на старших, а не на ровесников. Задействованы были все поколения, во всех школьных делах. К примеру, на празднование Нового года старшие ехали в лес, привозили ёлку, ставили её во дворе школы, а дети помладше помогали старшим. На уличную ёлку делали игрушки из воды: заливали воду в блюдца или любые формочки, подкрашивали воду акварельной краской и замораживали. Зимой в январские, февральские морозы, сидишь на уроках и слышишь, как эти игрушки друг об друга звенят, это невозможно забыть. Делали цепочки, фонарики. Если ёлка внутри здания, маленькие подают или верёвочки привязывают к игрушкам, а старшие на лестнице, наверху украшают. Всё вместе делали. Хоккей гоняли прямо по Пасолу, лёд был как стекло, прозрачный, ляжешь и рыбок рассматриваешь, снежинки часами разглядывала. На лыжах катались. Из-под лыж куропатки вспархивали. Для школы дрова также сами заготавливали, старшие заготавливали лес и распиливали брёвна, маленькие таскали полешки и складывали в поленницы. За отличную и хорошую учебу получали лично приглашение на слёт лучших учащихся. Катали на кошёвках, на тройках лошадей. Лошади были очень красиво наряжены, катали нас до самой Оби и обратно. Всё это было под Новый год. В школе накрывали столы, всегда были апельсины, для нас это было волшебством. За хорошую учебу, воспитание и примерное поведение ребенка, родителям присылали благодарственное письмо. Директор школы сам печатал.

Нынешний микрорайон «Новый» - здесь были конюшни, коровники, молоканка отдельная. На молоканке одна часть была для новорождённых телят, всё чисто, стерильно, все в белых халатах, а вторая часть - там был сбор молока, процеживали, марли и тряпки кипятили. Нас пускали поиграть с телятами, я даже одна ходила туда играть.

На берегу по правой стороне, где сейчас стоит жилой дом, раньше было кладбище, а за кладбищем был совхозный гараж тракторов. Говорили, что и кирпичи там раньше делали из глины, которой до сих пор там много. При разливе все затапливалось, поэтому деревенское кладбище перенесли на высокое место. На кладбище больше половины были татарские

могилки. Они были выложены из брёвен, горкой, без обозначений, мусульманская могила должна быть без значений, просто дерево. Брёвна сгнили, и место ушло. Немецкие могилки тоже были.

Дальше за кладбищем есть речка, ее называли Быстротечка. Она была глубокая, через неё был мост покрашенный в голубой цвет, его местные и построили. За этим мостом было очень много черёмухи, мы с дедушкой туда и ходили, ведрами собирали, сейчас там цементный завод. Многие боялись туда ходить, взрослые нас пугали медведями, которых никогда я не видела. На том же уровне, через Пасол, тоже было много черёмухи, смородины. Через реку делали деревянный мост, доярки на летней дойке собирали черёмуху и мы с ними ходили: одних не отпускали. Летом на той стороне коров пасли. Летняя дойка была.

Там где стояли конюшни (за памятником, камнем), навоз складывали на одну сторону, кучу посыпали немного землёй и мы, дети, сажали и пропалывали там редиску, зелень – это была летняя практика. Где труба у магазина “Стрежень”, там сыро сейчас всегда, - там было озеро, мост, мы на нём висели и наблюдали за ондатрами, они там просто кишели. Озеро было большое, природное, вдоль по улице Новая, до самого ТК «Сосна», с другой стороны до птичника, очень чистое, речка-Саймочка её в народе называли, река обозначала конец деревни. Где сейчас магазин “Стрежень”, там была контора бурения, когда начали строить город, длинный барак, дальше стояли частные дома, приезжие понастроили, и дед со многими был знаком. Все студенты были в нашем дворе, приходили к нам в баню со студенческого городка за деревней, он со всеми общался, спрашивал, кто откуда. Баня была огромная. Пар выходил на улицу, мылись, а потом в Пасоле купались, в том числе и зимой, среди приезжих было много моржей. У дедушки было много знакомых.

Наше детство часто называют тяжёлым, но оно было счастливым и интересным... Я всегда чувствовала любовь бабушки и дедушки. Они подарили мне не только гордость за наших предков, но и уверенность в том, что я могу устоять при любых жизненных обстоятельствах. И теперь моя порода не дает мне расслабиться. Я не могу подвести деда.

Воспоминания записала А.Г. Мухаметдинова
2020 г.